

УДК 94(474.5)+930.1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

© 2025 ГРОНСКИЙ Александр Дмитриевич

*Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра постсоветских исследований Национального исследовательского
института мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23
E-mail: agr1976@yandex.ru*

Поступила в редакцию 17.04.2024

Принята к публикации 28.01.2025

Аннотация. В статье рассмотрена историческая память о Великом княжестве Литовском в Белоруссии в XX – начале XXI в. Ранее Великое княжество Литовское не являлось элементом памяти простых обывателей белорусских губерний. Память о Литве сохранялась только среди жителей польского происхождения. Историей княжества интересовалась российская имперская наука, но исследования не способствовали формированию представлений об истории ВКЛ среди жителей территории современной Белоруссии. Становление белорусской исторической памяти началось достаточно поздно – на рубеже конца XIX – начала XX в. В начале XX в. образ Великого княжества Литовского как предтечи белорусского государства начал формироваться среди националистов. После революции сторонники идеи о «белорусскости» ВКЛ оказались в эмиграции. В XX в. белорусы считали княжество литовским. В период перестройки эмигрантские стереотипы об историческом прошлом начали проникать в Белоруссию. После распада СССР белорусские интеллектуалы активно формировали новый взгляд на историю государства. Средневековое княжество стало преподноситься как белорусское. Окончательно эти представления закрепились в начале XXI в.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Белоруссия, историческая память

DOI: 10.31857/S0201708325010140

После распада СССР новые постсоветские государства начали формировать собственные представления о прошлом. Эта практика не обошла ни одну из бывших советских республик, за исключением России, история которой основывалась на Древней Руси, Великом княжестве Московском, Русском царстве, Российской империи и СССР. Элиты и интеллектуалы молодых локальных государств заявили права на существовавшие ранее политии. Для национализации истории необходимо было создать интерпретацию прошлого, которая вписывала бы ныне существующие этносы и страны в историю региона. Таким образом появились национальные концепции истории, которые снимали вопрос о правильности и объективности интерпретации в пользу объяснения независимости новых государств.

Историческая память о ВКЛ в период до распада СССР

В досоветский период у массы белорусских крестьян историческая память о Великом княжестве Литовском (ВКЛ) практически отсутствовала. Причина заключается не в том, что российские чиновники и учителя лишили народ исторической памяти о ВКЛ после вхождения территории будущей Белоруссии в состав Российской империи в результате разделов Первой Речи Посполитой в конце XVIII в.

В XIX в. в России стали появляться этнографические исследования регионов империи, в т. ч. Белоруссии. Ученые фиксировали и анализировали представления местного населения о прошлом. Для иллюстрации состояния белорусской исторической памяти того времени о Великом княжестве Литовском стоит привести цитату российского исследователя О.В. Матвеева: «В белорусской исторической культуре развернутый образ ВКЛ представлен лишь в письменной культуре знати, оказавшейся в орбите иной цивилизации и постепенно терявшей духовную связь со своим народом, а также у городского населения, отстаивавшего свои статусные права. Для народных представлений белорусских крестьян не характерно прославление войн и князей, не обязательны исторические подробности, зато важны переживания простых людей, на долю которых выпали испытания разорительных вторжений, плена, вынужденной разлуки с семьей. Поэтому содержание белорусских баллад во многом тождественно русским песням о татарском полоне. Попытки “реконструкции” белорусского героического эпоса в духе фэнтэзи-рыцарства, опирающиеся на национально-мифологические фальсификации (песни о князе Витовте, Оршанской и Клецкой битвах), имеют мало общего с подлинными произведениями народного творчества. Отдельные белорусские предания о князе Витовте либо “заземляют” его происхождение, вписывают его в ожидания народного правителя, либо наделяют ролью “культурного героя”, преобразующего местный ландшафт» [Матвеев, 2021: 56].

Историческая память о ВКЛ сохранялась только у местного польского дворянства, которое было по происхождению как западнорусским, так и этнически литовским. После заключения Кревской унии Польши и Литвы в 1385 г. литовско-русская знать постепенно полонизировалась. Процесс ускорился после заключения Люблинской унии в 1569 г., в результате которой на карте появилась Первая Речь Посполитая.

Горожане некоторое время сохраняли историческую память о Литве, поскольку в литовский период часть городов получила Магдебургское право – систему юридических норм, регулирующих городскую жизнь. Однако на землях будущей Белоруссии оно перестало действовать в период Первой Речи Посполитой практически во всех городах, за исключением крупных административных центров. С включением территории в состав России Магдебургское право было отменено в административных центрах. Основную массу горожан в Северо-Западном крае Российской империи, куда входили территории Литвы и Белоруссии, составляли евреи. Много горожан были поляками. Белорусами (хотя они такого названия не знали) были крестьяне, которые не являлись носителями представлений о белорусской государственности в виде Великого княжества Литовского.

По утверждениям белорусских философов, история земель нынешней Белоруссии не способствовала укоренению у населения привязки к государству: «Многочисленные государственно-политические преобразования, которые пережили белорусы на протяжении своей истории, особенно в последние столетия, сформировали в народном сознании убеждение в неустойчивости и временном характере любой власти. Соответственно, понятие государство, которое напрямую связано с политическим строем, не смогло закрепиться и стать ценностью в традиционном мировосприятии. Вместо государства статус ценности и сакральности приобрели понятия родина, родная земля, родной край, которые остаются неизменными, несмотря на все политические или военные преобразования. Государства создаются и исчезают, власть сменяется, но родная земля остается навсегда» [Дубянецкая, 2023: 350].

Единственный персонаж литовского периода, о котором крестьяне вспоминали, – это Витовт. О нем сохранилось несколько легенд, в которых князь представлен выходцем из низов. Крестьяне были уверены, что его имя происходит от глагола «вить» [Матвеев, 2021: 55]. Скорее всего, этот легендарный персонаж воспринимался как условный правитель прошлого, образ которого не был привязан к ВКЛ. Следовательно, этот единичный пример не свидетельствует о том, что крестьяне имели историческую память о Великом княжестве Литовском.

Как заявляет белорусский исследователь А.В. Тихомиров, «формирование нарратива ВКЛ в белорусской исторической науке началось в середине XIX в.» [Тихомиров, 2016: 99]. В 1857 г. О.В. Турчинович написал «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен» [Турчинович, 1857], где попытался, по мнению А.В. Тихомирова, «осмыслить значимость Великого княжества Литовского в качестве этапа формирования белорусской государственности» [Тихомиров, 2014: 70]. Однако белорусский государственный проект появился только в начале XX в. Автор «Обозрения Белоруссии с древнейших времен» не мог осмыслить Литовское княжество как этап формирования белорусской государственности. О.В. Турчинович использовал территориально-географическое название региона, которым владели литовские князья, польские короли и русские императоры, и прослеживал его политическую и военную судьбу.

Написание истории региона под названием «Белоруссия» отделяло его от соседних и в будущем использовалось для оправдания сепаратистских идей. В период второй половины XIX в. – начала XX в. русские ученые, в т. ч. выходцы из бело-

русско-литовских губерний, интересовались историей Великого княжества Литовского, но не представили доказательств, что ВКЛ выступает белорусским государством. Первыми это стали утверждать активисты белорусского националистического проекта в начале XX в. Вследствие Революции, распада России и прихода к власти большевиков сторонники идеи о белорусских корнях княжества эмигрировали. Некоторые вернулись в конце 1920-х гг., но из-за последующих политических репрессий их представления об истории не закрепились в массах.

Белорусская историческая наука и публицистика на протяжении XX в. рассматривала Великое княжество Литовское иногда как белорусское государство, но чаще как литовское [Тихомиров, 2014: 70–75]. Это зависело от идеологических запросов политических сил. Советский историк Н.Н. Улащик, родившийся под Минском до революции и симпатизировавший белорусизации исторических персонажей, писал в 1986 г., что литовцы воспринимают ВКЛ как литовское государство и «такую же мысль высказывают все время белорусские историки» [Улашчык, 2001: 522].

В конце 1980-х гг. восприятие Великого княжества Литовского населением столкнулось с быстро формирующимся историческим нарративом оппозиционно настроенных интеллектуалов, в котором ВКЛ выступало белорусским государством. В первые годы после распада СССР эта идея активно распространялась через публицистику, которая под видом науки конструировала новые смыслы, якобы возрождая историческую правду. Например, в изданном в 1993 г. сборнике «100 вопросов и ответов из истории Белоруссии» Великое княжество Литовское объявлено белорусским государством с имперскими признаками [Андреевіч, 1993: 11, 26–28]. Расширялся объем информации о ВКЛ в школьных учебниках. Из государства литовских феодалов, захвативших белорусские земли, Великое княжество Литовское превращалось в белорусско-литовское, а иногда в белорусское средневековое государство. Для новой исторической парадигмы было неважно, что ВКЛ не имело в названии даже намека на что-либо белорусское, а первый носитель белорусской идентичности появился уже после того, как Литва стала частью Первой Речи Посполитой, т. е. когда история независимого ВКЛ закончилась.

Историческая память о ВКЛ в независимой Белоруссии

Распад СССР и появление новых локальных государств породили очередной всплеск активности в сфере исторической политики. В этот процесс включились как политики и журналисты, так и профессиональные учёные. В 1996 г. директор Института истории Национальной академии наук Белоруссии М.П. Костюк в интервью сообщил, что один из итогов работы белорусских историков начала 1990-х гг. – включение в текст Конституции мысли о том, что «государственность в Белоруссии имеет многовековую историю». Он также отметил, что «этот факт, как известно, в последние десятилетия отвергался» [Касцюк, 2020: 16]. Однако наличие государственности на территории страны никогда не отвергалось. Под сомнения ставилось наличие государственности, которую создали белорусы. Именно эту установку должны были преодолеть белорусские идеологи и интеллектуалы. М.П. Костюк также заявил, что в первой половине 1990-х гг. было «углублено ис-

следование» не только «становления и развития белорусско-литовского государства – Великого Княжества Литовского», но и «определяющей роли в нем белорусских земель и белорусского этноса» [Касцюк, 2020: 16].

Ученые по-разному оценивали белорусскую составляющую ВКЛ. В частности, историк И.А. Марзалюк в 2010 г. заметил в интервью, что есть лица, относящиеся к «брутально примордиалистской части национального историописания», которые утверждают, что «белорусы существовали уже в IX – XIII веках, Великое княжество Литовское прежде всего “наше” государство, а литовцы были там чем-то вторичным, незначительным, короче – “младшими” братьями белорусов. Элита ВКЛ в эпоху Речи Посполитой, согласно историкам, которые исповедуют этот “символ веры”, продолжает сохранять собственную национальную (понятно – белорусскую) идентичность, а использование ею польщизны – будто то же самое, что французского языка российским дворянством» [Марзалюк, 2010: 72]. Исследователь уверен, что такие концепции могут существовать в периоды становления нации, когда нужны мифы для ее создания. И.А. Марзалюк утверждает, что это не страшно, поскольку все страны в свое время пользовались таким инструментом [Марзалюк, 2010: 79].

Романтическая мифология конца XX в. оказалась эффективной. «Сегодня среднестатистический белорус знает, что истоки его народа, государственности – в Полоцком княжестве, но прежде всего – в Великом княжестве Литовском. Как показывают социологические исследования, так считает преимущественное большинство белорусов. Национальное самосознание нашего народа укрепилось вопреки тем, кто называет белорусов темными и забитыми. Так что с массовым национальным и историческим сознанием теперь лучше, чем когда-нибудь раньше» [Марзалюк, 2010: 79].

Однако белорусские социологи не проводили на большом протяжении времени типовые опросы, касающиеся понимания истории. Вопросы были посвящены государствам, периодам или персонажам. По этой причине попытку реконструкции процесса постепенного привыкания белорусов к Великому княжеству Литовскому как белорусскому государству на основе изучения социологических опросов можно считать неполной. Тем не менее социологические данные показывают высокий уровень убежденности респондентов в том, что ВКЛ занимает одно из ведущих мест в белорусской историко-политической мифологии.

В 1996 г. Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ) провел опрос, один из вопросов которого гласил: «Кто из нижеперечисленных политических деятелей в наибольшей степени Вам симпатичен, соответствует Вашему идеалу политика?». В перечне были как действующие, как и исторические личности, включая великого князя литовского Витовта. Он получил только 2,2% симпатий, намного уступив руководителю БССР П.М. Машерову (45,2%), Петру I (34,2), М. Тэтчер (19,5), В.И. Ленину (18,7) и И.В. Сталину (10,8). Князь разместился на предпоследнем месте, выиграв 0,1% у британского премьера У. Черчилля [Дегутис, 2013: 24]. В 2004 г. институт провел аналогичный опрос. В список было добавлено несколько персонажей, в т. ч. канцлер ВКЛ Лев Сапега. Он занял последнее место с 6,5%, а Витовт – предпоследнее с

6,6 [Дегутис: 2013: 24]. Опрос 2008 г. также был дополнен несколькими персоналиями. Перечень включал 18 личностей. В этот раз князь Витовт смог укрепить позиции, а Л. Сапега потерял поддержку. К первому с симпатией отнеслись 8,8% опрошенных, ко второму – 4,9. Князь Витовт занял восьмое место, а Л. Сапега разделил вместе с Ф. Рузвельтом 13-е и 14-е [Дегутис: 2013: 24].

В 2008 г. Институт социологии Национальной академии наук Белоруссии провел опрос, в котором белорусов просили указать, что является истоком белорусской государственности. 24% респондентов затруднились с ответом, 29% указали Полоцкое княжество, 22% – Великое княжество Литовское [Ластовский, 2009: 91]. Значительная доля опрошенных, которые не смогли определиться с истоком белорусской государственности, скорее всего, выступает реакцией на столкновение навязываемого как государством, так и оппозицией взгляда на прошлое с массовыми представлениями, оставшимися от советского периода. Ответы были представлены в разрезе возраста респондентов. Гипотеза о том, что на представления об историческом прошлом влияет обучение в советской и постсоветской школе, в целом не оправдалась. Примерно одинаковое количество лиц разного возраста выбрали ВКЛ в качестве истока белорусской государственности [Ластовский, 2009: 91]. Это свидетельствует о том, что помимо школьного образования на формирование исторической памяти активное влияние оказывают средства массовой информации, культура, литература и другие факторы, которые навязывают парадигму поиска древнего белорусского прошлого всему населению, а не только отдельным возрастным категориям.

Кроме того, участники опроса явно не понимали причинно-следственные связи и делали нелогичные выводы. Например, на вопрос, какие события из досоветского прошлого вызывают горечь и стыд, тремя самыми частыми ответами были Люблинская унион 1569 г., разделы Речи Посполитой конца XVIII в. и подавление восстания под руководством Кастуся Калиновского [Ластовский, 2009: 97]. Следовательно, респонденты выбрали и активизацию полонизации в результате образования Первой Речи Посполитой, и окончание этого процесса. Белорусы не замечали связей между Люблинской унией и ополячиванием. Что касается восстания Кастуся Калиновского, то это белорусский националистический миф. Польское восстание 1863–1864 г. распространялось на территориях Царства Польского, в Северо-Западном крае и некоторых губерниях Юго-Западного края. Часть событий была искусственно вычленена белорусскими националистами и названа восстанием Кастуся Калиновского. Таким способом был сформирован миф о борьбе белорусов за независимость. Константин Калиновский никогда не носил имя Кастусь. Оно было придумано, чтобы придать польскому повстанцу белорусские черты.

Социологическая лаборатория «Новак» провела похожий опрос в 2009 г. 38% опрошенных видели истоки белорусской государственности в ВКЛ, 18% – в Полоцком княжестве, 18% – затруднились с ответом [Ластовский, 2009: 91].

В 2012 г. НИСЭПИ провел очередной опрос о симптиях к политическим деятелям. Витовт получил 9,3% симпатий, Л. Сапега – 5,2%. В результате князь, как и в 2008 г., оказался на восьмом месте, а канцлер разделил с Ф. Рузвельтом и В.И. Лениным 13–15-е места [Дегутис: 2013: 24]. В 2013 г. НИСЭПИ провел еще

один опрос. Витовт набрал 7,1% и опустился на десятое место в списке, а Л. Сапега вместе с М.С. Горбачевым получили по 6,1% и разделили 14-е и 15-е места [Дегутис: 2013: 24].

При сравнении результатов опросов можно сделать вывод, что несмотря на повышенное внимание к ВКЛ, респонденты не считают политических деятелей княжества идеальными. «Белорусские» политические деятели пользовались меньшей симпатией респондентов, в отличие от государств прошлого. Это обусловлено тем, что для формирования мифа о белорусском Великом княжестве Литовском изначально акцент был сделан на государстве. Конкретные исторические деятели пока остаются на периферии исторической политики. Однако необходимо учитывать, что только НИСЭПИ проводил типовые социологические опросы. Вместе с тем результаты соцопросов показывают однозначные тенденции и коррелируют с представлениями о прошлом белорусских граждан.

Например, согласно результатам опроса, проведенного среди студенческой молодежи в конце 2017 г. – начале 2018 г., «для 19% студентов эпоха Великого княжества Литовского является “золотым веком” отечественной истории (первое место среди предложенных вариантов ответа)». В конце 2018 г. – первой половине 2019 г. было проведено анкетирование среди белорусских педагогов; 85% респондентов выбрали эпоху ВКЛ как наиболее значимую для белорусского народа [Стариченок, 2022: 326].

В 2019 г. белорусские социологи провели опрос, в котором респондентам предложили ответить на вопрос «С какого периода, по Вашему мнению, начинается история белорусской государственности?». Самым распространенным вариантом ответа был пункт «Затрудняюсь ответить» (27,9%). 16,7% выбрали эпоху ВКЛ, 15,7 – постсоветскую Белоруссию, 13,1 – БССР. Социологи также задавали вопрос о значимости различных исторических периодов для белорусского народа. 31,4% затруднились ответить, 30,9 назвали постсоветский, 27 – советский, 15,7 – период нахождения белорусских земель в составе ВКЛ [Безнюк, 2022].

Аналогичные вопросы задавались респондентам в 2020 и 2021 гг. В 2020 г. самым значимым периодом также был назван постсоветский (50%), на втором месте оказался советский период (39%), на третьем – период Великого княжества Литовского (21%). В 2021 г. последовательность значимых периодов не изменилась (постсоветский, советский, литовский). В 2020 и 2021 гг. также задавался вопрос о наиболее интересных для белорусов периодах истории. В 2020 г. по убыванию были названы Великая Отечественная война (42%), эпоха Великого княжества Литовского (21%) и первые десятилетия XXI в. (19%). В 2021 г. вторая и третья позиции поменялись местами. Великая Отечественная война была интересна для 51% опрошенных, первые десятилетия XXI в. – для 20 и эпоха Великого княжества Литовского – для 19 [Стариченок, 2022: 326].

Что касается возраста респондентов, в 2019 г. истоки белорусской государственности в Великом княжестве Литовском видели 22,1% опрошенных до 30 лет, 16,4% – в возрасте от 30 до 49 лет, 13,5% – старше 50 лет. [Безнюк, 2022: 118]. Следовательно, к концу второго десятилетия XXI в. школьное образование закрепило влияние на представления о прошлом.

Заключение

Становление образа белорусского государства на основе Великого княжества Литовского активизировалось после распада СССР. В дореволюционный период о ВКЛ помнили только проживавшие на территории бывшего Литовского княжества поляки, большая часть которых являлась потомками давно ополяченных местных дворян. В начале XX в. среди белорусских националистов сформировалось представление о Великом княжестве Литовском как белорусском государстве, но после прихода большевиков к власти они не смогли повлиять на историческую память населения.

Советская модель исторической памяти предполагала, что ВКЛ – это государство литовских феодалов, захвативших белорусские земли. С началом перестройки в Белоруссию стали проникать эмигрантские варианты видения прошлого. После распада СССР новым элитам стал необходим миф о древности национального государства. Исходя из социологических опросов конца XX – начала XXI вв., историческая память населения вобрала ранее отсутствовавшие в массовом сознании установки о белорусских истоках Великого княжества Литовского. В целом историческая память о ВКЛ как белорусском государстве выступает конструктом, который стал актуален только в период поисков собственной национальной древности, и закрепился в массовом сознании белорусов только в начале XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрывіч У. (ред.) (1993) *100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі*. Звязда, Мінск, Беларусь. 80 с.
- Безнюк Д.К. (ред.) (2022) *Социокультурные практики населения Беларуси в условиях цифровой трансформации*. Беларуская навука, Минск, Белоруссия. 195 с.
- Дегутис А. (ред.) (2013) *Новости НИСЭПИ. Информационно-аналитический бюллетень Независимого института социально-экономических и политических исследований*. № 1(67). 52 с.
- Дубянецкая И.М., Санько С.І. (ред.) (2023) *Трошки бліжэй да Сонца, трошки далей ад Месяца: беларуская народная філософія*. Беларуская навука, Мінск, Беларусь. 480 с.
- Касцюк М.П. (2020) *Без гістарычных ведаў нельга паспяхова будаваць незалежную дзяржаву*. Акадэмік М.П. Касцюк. Пад рэд. В.Г. Мазца, С.А. Траццяка, А.А. Капліева, Беларуская навука, Мінск, Беларусь. С. 14–19.
- Ластовский А. (2009) Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 4. С. 88–99.
- Марзалюк І. (2010) Фальшивая гісторыя – маці фальшивай палітыкі. *Беларуская думка*. № 7. С. 72–79.
- Матвеев О.В. (2021) Великое княжество Литовское в народных исторических представлениях русских и белорусов: общее и особенное. *Гуманитарные и юридические исследования*. № 2. С. 50–59.
- Стариченок В.В. (2022) Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов (по материалам социологических опросов). *Социальное знание в современном обществе*.

стве: проблемы, закономерности, перспективы. Под ред. Н.Л. Мысливца. Донарит, Минск, Белоруссия. С. 325–328.

Тихомиров А.В. (2014) Формирование исторического нарратива Великого княжества Литовского в белорусской исторической науке. *Труды факультета международных отношений БГУ*. Вып. 5. С. 70–75.

Тихомиров А.В. (2016) Нарратив Великого княжества Литовского в исторической политике Беларуси. *Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасним свецем*. Под ред. В.Г. Шадурского. Издательский центр БГУ, Минск, Белоруссия. С. 99–101.

Турчинович О.В. (1857) *Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен*. Типография Эдуарда Праца, Санкт-Петербург. 313 с.

Улашчык М. (2001) *Выбранае*. Беларускі кнігазбор, Мінск, Беларусь. 604 с.

The Historical Memory of the Grand Principality of Lithuania in the Belorussian Society in the XX – early XXI century

© 2025 A.D. Gronsky

Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Leading Researcher of the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: agr1976@yandex.ru

Abstract. The article explores the state of historical memory of the Grand Duchy of Lithuania during the XX century and the beginning of the XXI century. Previously the Grand Duchy of Lithuania was not an element of the historical memory of ordinary inhabitants of the Belarusian provinces. The memory of Lithuania was preserved only among the Polish residents of the region. Russian imperial scholars were interested in the history of the Grand Duchy of Lithuania, but they did not contribute to the formation of Belarusian view of the history. The formation of the Belarusian historical memory began quite late – at the turn of the late XIX – early XX century. At the beginning of the XX century, nationalists constructed the Belarusian image of the Grand Duchy of Lithuania, but after the revolution they emigrated. The historical memory of the Grand Duchy of Lithuania in the Belarusian society in the XX century was determined by the representation of this medieval state as Lithuanian, not Belarusian. During the period of Perestroika, emigrant stereotypes about the historical past began to penetrate into Belarus. After the collapse of the USSR, Belarusian intellectuals shaped a new view of the past. The Grand Duchy of Lithuania was presented as a Belarusian state. The idea of the medieval Lithuanian state as Belarusian became deeply ingrained at the early XXI century.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Belarus, historical memory

DOI: 10.31857/S0201708325010140

REFERENCES

Andryevich U (ed.). (1993) *100 pytannya i adkazau z gistoryi Belarusi* [100 questions and answers from the history of Belarus], Zvyazda, Minsk, Belarus. (In Belarusian).

Beznyuk D.K. (ed.). (2022) *Sociokul'turnye praktiki naseleniya Belarusi v usloviyah cifrovoj transformacii* [Socio-cultural practices of the population of Belarus in the context of digital transformation], Belarusskaya Navuka, Minsk, Belarus. (In Russian).

Degutis A. (ed.). (2013) *Novosti NISEPI. Informacionno-analiticheskij byulleten' Nezavisimogo instituta social'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovanij* [News of the IISEPS. Information and analytical bulletin of the Independent Institute of Socio-Economic and Political Studies], 1(67), NISEPI, Vilnius, Lithuania. (In Russian).

Dubyaneckaya I.M., San'ko S.I. (ed.) (2023) *Troshki blizhej da Sonca, troshki dalej ad Mesyaca: belaruskaya narodnaya filosofiya* [A little closer to the Sun, a little further from the Moon], Belaruskaya navuka, Minsk, Belarus. (In Belarusian).

Kascyuk M.P. (2020) *Without historical knowledge, it is impossible to successfully build an independent state*, in Mazec V.G., Traccyak S.A., Kaplieu A.A. (ed.) Akademik M.P. Kascyuk, Belaruskaya navuka, Minsk, Belarus, pp. 14–19. (In Belarusian).

Lastovskij A. (2009) Specifika istoricheskoy pamyati v Belarusi: mezhdu sovetskym proshlym i nacional'noj perspektivoj [The specifics of historical memory in Belarus: between the Soviet past and the national perspective], *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 4, pp. 88–99. (In Russian).

Marzalyuk I. (2010) Fal'shyvaya gistoryya – maci fal'shyvaj palityki [Fake history is the mother of fake politics], *Belaruskaya dumka*, 7, pp. 72–79. (In Belarusian).

Matveev O.V. (2021) Velikoe knyazhestvo Litovskoe v narodnyh istoricheskikh predstavleniyah russkikh i belorusov: obshchee i osobennoe [The Grand Duchy of Lithuania in the folk historical representations of Russians and Belarusians: general and special], *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2, pp. 50–59. (In Russian).

Starichenok V.V. (2022) Velikoe knyazhestvo Litovskoe v istoricheskoy pamyati belorusov (po materialam sociologicheskikh oprosov) [The Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of Belarusians (based on the materials of sociological surveys)], in Myslivets N.L. (ed.). *Social'noe znanie v sovremenном obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy*. Donarit, Minsk, Belarus, pp. 325–328. (In Russian).

Tikhomirov A.V. (2016) Narrativ Velikogo knyazhestva Litovskogo v istoricheskoy politike Belarusi [The narrative of the Grand Duchy of Lithuania in the historical policy of Belarus], in V.G. Shadurskij (ed.) *Belarus' v sovremennom mire*. Izdatel'skij centr BGU, Minsk, Belarus, pp. 99–101. (In Russian).

Tikhomirov A.V. (2014) Formirovanie istoricheskogo narrativa Velikogo knyazhestva Litovskogo v belarusskoy istoricheskoy nauke [The formation of the historical narrative of the Grand Duchy of Lithuania in Belarusian historical science], *Trudy fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij BGU*, 5, pp. 70–75. (In Russian).

Turchinovich O.V. (1857) *Obozrenie istorii Belorussii s drevnejshih vremen* [Review of the history of Belarus since ancient times], Tipografiya Eduarda Praca, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Ulashchyk M. (2001) *Vybranae* [Favorites], Belaruski knigazbor, Minsk, Belarus. (In Belarusian).